

АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ Ф. БУЛГАРИНА В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Литературная деятельность Ф. В. Булгарина, популярного русского литератора XIX века, имеющего в истории литературы негативную репутацию, до сих пор слабо изучена. Цель статьи — исследовать авторские стратегии Булгарина в литературном контексте первой трети XIX века, необычайно динамичного периода в истории русской литературы, когда принципиально изменяется статус писателя, а его литературная репутация и социальный престиж становятся своеобразным символическим капиталом, функционирующим в культурном пространстве. Объектом исследования являются преимущественно журнальные практики Булгарина.

Фаддей Булгарин — хорошо известное в истории литературы имя, из чего, однако, не следует, что это в равной мере известное литературное явление. Для уяснения его места в истории русской культуры необходимо исследование литературной деятельности Булгарина в широком историко-литературном контексте¹.

Первая треть XIX века — время особой культурной ситуации в России, когда писательство превращается в собственно литературу и в этом качестве начинает доминировать в общественном сознании. Современная социология литературы определяет это явление как формирование *первичного литературного поля*². Следствием необычайной стремительности этого процесса, изобилия открывшихся возможностей явилась быстрая смена принципиально отличных друг от друга институтов литературы при отчетливо проявившемся сочетании различных стилей, направлений и жанров³. Без сомнения, динамика литературного развития находилась в тесной связи с важнейшими историческими процессами эпохи, среди которых одним из центральных был процесс национальной и культурной иден-

тификации. Итогом секуляризации русской культуры, приобщения России к европейскому культурному опыту, совершавшихся в необычайно сжатые сроки, стал известный *литературоцентризм* русской культуры; парадокс заключался в том, что он был принципиально отличен от литературоцентризма в Европе⁴. Для литературоцентризма в России характерен не только пафос синтеза, универсализма и особая роль автора, придающего целостность и универсальность художественному миру, но и почти сакральный статус писателя в обществе (святого, ученого и проповедника) — к художественному слову и его носителю были предъявлены особые требования, в том числе и система нравственных запретов⁵. Таким образом, можно выделить следующие факторы, определяющие статус писателя в рассматриваемый период: секуляризация русской культуры, сохранившей, тем не менее, сакральное отношение к слову и его носителю, обретавшему статус поэта-проповедника; приобщение к европейской романтической традиции с ее культом поэта-гения и пророка; поиски национальной идентичности, сопряженные с потребностью в

поэте — выразителе духа народа, и, наконец, становление социального института литературы, ее профессионализация, предполагающая возрастающее влияние писателя на публику, превращение культурного и символического капитала в экономический (успех, признание — положение в социуме — имущественный статус).

Указанные причины обусловили актуализацию проблемы литературной репутации, имиджа писателя, обнаружив стремление писателей целенаправленно творить собственные литературные биографии. Употребляемые в близких контекстах понятия *литературной репутации* и *литературной биографии*, на наш взгляд, не дублируют друг друга. Их различие связано с итогово-функциональным характером литературной репутации, поскольку она — результат встречи биографии писателя с культурным опытом не только своей, но и последующих эпох. Если литературная биография, как правило, — результат усилий автора, то в создании литературной репутации участвуют самые разнообразные факторы — сознательные и неосознанные, случайные и закономерные⁶. Проблемы теории и истории литературных репутаций еще в 1927 году поставил И. Н. Розанов⁷, однако до сих пор эта проблематика разработана слабо. Наиболее серьезно обращается к ней А. И. Рейтблат (ему же принадлежит попытка определения термина), считающий, что «существование литературных репутаций необходимо для структурирования литературной системы, поддержания внутрилитературной иерархии, обеспечивающей ее функционирование и динамику»⁸.

Литературная репутация, социальный престиж писателя становятся, таким образом, своеобразным «символическим капиталом», функционирующим в культурном пространстве. Степень «символизации» литературной репутации писателя может быть довольно высокой и на определенном этапе может достигать мифологического потенциала, мифологизируя литературную биографию писателя и

превращая ее в культурный миф. По нашему мнению, сами механизмы возникновения литературных репутаций и современного мифотворчества имеют отчасти сходную природу, поскольку и в том и в другом случае мы имеем дело со способами аксиологической интерпретации мира, преследующими цель самоопределения и самоутверждения, систематического упорядочивания, преодоления смысловой энтропии, обеспечивая более высокую степень адаптации и социальной консолидации⁹. В последнее время усилился интерес к исследованию роли мифа в контексте общественного сознания и культуры нового времени, механизмов мифотворчества. Выводы исследователей свидетельствуют о том, что мифологизация общественного сознания происходит в условиях «потрясенного сознания», откликаясь на глубинные потребности нации, и призвана успокаивать ее тревоги¹⁰. Обнаружившиеся в литературной жизни первой половины XIX века тенденции к «биографической мифологизации» зиждутся на остро стоящей для русской культуры проблеме национальной идентичности, приобщения к европейскому опыту. Феноменальная по своему негативному потенциалу литературная репутация Булгарина (одного из наиболее продуктивных и известных писателей пушкинской эпохи), превратившаяся в культурный миф русского антигероя, самым непосредственным образом соотносится с кругом указанных проблем.

Особо значимо для осмысления рассматриваемой проблемы исследование писательских стратегий Булгарина, направленных на достижение успеха, обретение социального и культурного статуса, поскольку именно литература явилась для Булгарина, в силу биографических обстоятельств оказавшегося на пересечении национально-культурных традиций — западноевропейской, польской и русской, — способом легитимации, национально-культурной и социальной адаптации в российской столице. Это совпало с общекультурными процессами — пе-

риодом, когда литература становится социальным обоснованием деятельности писателя, закрепив за ним определенную социальную роль и соответствующее место в социуме. Для успешной реализации этой новой и для отечественной литературы, и для самого Булгарина роли он использовал стратегии успеха, опирающиеся на европейский и российский опыт. И за короткий период с 1819 по 1825 год из малоизвестного польского литератора он превратился в известного русского журналиста, издателя научно-популярного журнала «Северный архив»¹¹, литературно-художественного приложения к нему и вместе с Гречем приступил к изданию газеты «Северная пчела», на протяжении долгих лет являвшейся одним из самых известных периодических изданий в России. Анализ показывает, что литературная общественность этих лет видела в Булгарине польского литератора либеральной ориентации, предприимчивого и острого журналиста. В условиях активизации освободительных идей и сочувственного внимания к польскому вопросу в русском обществе польское происхождение Булгарина и его «полякизм» (не исключая и попытки отстаивать национальную независимость под французскими знаменами) «работали» на его либеральную репутацию.

В то же время либеральные идеи сопрягались у него с неприятием любой умозрительности, с трезвым практицизмом, тяготеющим к буржуазному прагматизму. Булгарин выступал как последователь философии здравого смысла Я. Снядецкого, провозглашавшей главной целью умение быть счастливым в этой жизни и вписывающейся в круг философских исканий русского общества первой четверти XIX века¹². В 20-х годах XIX века в русле философии русского Просвещения обозначились две тенденции. Одна восходила к деистическо-материалистическим философским воззрениям, тяготела к чувственному опыту и обнаруживала возможности прагматизма и утилитаризма — характерных черт будущего позитивизма с его куль-

том разума, знаний, отказом от всяких поисков первопричин, с нацеленностью на практическую деятельность и личную инициативу. Для разделявших эти мировоззренческие позиции возможным было единство просветительских идеалов и коммерции, сопровождаемой утверждением на практике новых общественно-политических реалий: гласности, публичности, полемики в печати, и в этом к Булгарину были близки не только Греч и Сенковский, но и издатели «Полярной звезды» Рылеев и А. Бестужев.

Философской основой другой тенденции стала складывающаяся в России школа просветительского диалектического идеализма, объединившая русских шеллингианцев. Характерной чертой этой школы был ее антиэмпиризм.

В полемике двух значимых мировоззренческих подходов к вопросу о сути русского Просвещения Булгарин с самого начала выступал с позиций здравого смысла, «золотой середины», выражая точку зрения огромной массы русских людей — просвещенной толпы. За философскими спорами о метафизике угадывались противоречия в подходе к пониманию самой сути целеполагания в человеческой деятельности, тех пределов, которые ставит человеческой мысли живая практика. Одна тенденция отразила стремление быть счастливым в самой жизни, достигать гармонии с самим собой. В этом случае не являлась вопросом проблема выбора жизненной стратегии: добра, свободы и т. п. Проблема состояла лишь в достижении самоидентичности: счастье, успех, согласие с миром и самим собой становились гарантом искомой социальной справедливости и диктовали позитивное отношение к миру. Другая тенденция русского философствования с ее духовным максимализмом, устремленностью к высшей правде вела к вечным, проклятым вопросам, к кризису самоидентичности, к тому, что А. П. Чехов называл русским «неумением жить», тяготела к христианскому аскетическому идеалу и утопической социальной гармонии. Обе тенденции были укоренены в

самой национальной ментальности; вопрос состоял в том, что возобладает, получит развитие в период активно начавшегося процесса самоидентификации нации в истории. Поиски Булгариным собственного места, социальной ниши в русском обществе, поведенческой философии отразили существенные противоречия русской жизни и стали практическим воплощением одной из только оформлявшихся жизнестратегий. Это сделало Булгарина заметной фигурой в историко-литературном отношении, принявшей на себя всю тяжесть оценки с позиций нравственного императива.

Либерализм, здравый смысл, демократизм, увлеченность просветительскими идеалами и любовь к искусству обусловили место, занятое Булгариным в первой половине 1820-х годов среди русских литераторов. Он пользовался искренней дружбой и привязанностью Греча, А. Бестужева, Корниловича, П. Муханова, Рылеева, Грибоедова: их связывали общие интересы, занятия, стиль поведения, культивирующий порывистость и искренность. Занявшись журналистикой, Булгарин зарекомендовал себя как предприимчивый журналист-издатель, сочетающий просветительские цели с коммерческими интересами, умеющий выстраивать отношения с читательской аудиторией. Его критическая деятельность явилась индикатором уровня развития русской литературной критики в период ее становления. За сиюминутностью критических выступлений Булгарина не затерялись некоторые его точные и проницательные суждения о литературных явлениях эпохи.

В то же время в условиях обострившейся конкуренции и неразборчивости средств литературной полемики устойчивой приметой критических баталий 20-х годов было использование «личностей». Идеи романтической народности и патриотизма, выразителем которых выступал Булгарин, манифестируя свою принадлежность к определенному литературному кругу (А. Бестужев, Рылеев, Грибоедов), вызвали негативную реак-

цию его противников, приведя к тому, что «личностью», адресованной Булгарину, стало то, за что прежде ценили и уважали, — польское происхождение и служба Наполеону. В формирующейся булгаринской репутации его литературная беспринципность теперь корреспондировала с идейной беспринципностью. Тем не менее, достигнутый к концу 1825 года результат — обретенный Булгариным статус авторитетного и популярного русского литератора — свидетельствовал о верности избранных им писательских стратегий успеха. Обнаружившийся при этом зазор между формируемой Булгариным *литературной биографией* и складывающейся *литературной репутацией* свидетельствовал о потенциальной конфликтности ситуации, выявив факторы риска, угрожавшие заработанному Булгариным за эти годы символическому капиталу. Один из главных факторов заключался в том, что из двух возможных типов авторских стратегий: 1) постепенного завоевания позиций на литературном поле с адресацией литературной продукции через литературные институты, в конечном счете, «держателям власти» и 2) стремительного, энергичного пути, предполагающего обращение к максимально широкой публике, с расчетом на быстрый успех, — Булгарин все же выбирает второй, пускай и позволяющий «высвободиться из-под господствующей литературной иерархии», но несущий в себе элементы риска¹³.

После событий 14 декабря 1825 года резко обострился сам характер становления русской национальной идентичности. Были подавлены только зарождавшиеся элементы публичности, формирующейся общественной «умственной жизни», а власть и культурная элита поставлены перед необходимостью выбора новых подходов к осмыслению отечественной истории, национального опыта в европейском культурном контексте. Это привело к тому, что на одном полюсе оказались «Философические письма» П. Я. Чаадаева, а на другом — доктрина «официальной народности».

Радикально изменившие ситуацию декабрьские события неизбежно повлекли за собой поиск новых жизнестроительных и поведенческих стратегий: неуместность прежнего либерализма, так же как и неизбежность компромиссов, ощущались и властью, и социально активной частью общества, в основном представленной литераторами.

Указанные причины заставили Булгарина срочно откорректировать свои писательские стратегии, изменить тактику, учитывая новые общественно-политические реалии и расстановку сил. Его положение было критическим: человек довольно неопределенного социального статуса, он был близок со многими декабристами, до последнего дня активно сотрудничал с ними, в день восстания его видели на Сенатской площади, вечером перед самым арестом Рылеева Булгарин побывал у него на квартире и по его просьбе взял на хранение часть архива. Булгарину, редактору единственной в России частной газеты, имевшей отдел политических новостей, необходимо было представить весомые доказательства политической лояльности. Ему удалось это сделать при помощи записок, поданных властям, где он предлагал меры по управлению общественным мнением и установлению социальной стабильности¹⁴. Все это заставило Булгарина существенно уточнить принципы «здоровой философии», включив в них активное сотрудничество с властью. Он деятельно участвовал в работе III отделения, не будучи официальным сотрудником. Булгаринский конформизм как наиболее отталкивающее проявление его жизненной философии обретает в этот период черты социально-идеологической программы. Уважение к человеку любого звания и любой должности, утверждение частной инициативы, исполнение гражданского и нравственного долга — эти буржуазные ценности он сделал основой своих журнальных выступлений и беллетристических произведений, в которых добродетель гражданская и нравственная всегда оказывалась вознаграждаема.

Главным жанром его философских выступлений в это время стали докладные записки правительству, вошедшие в историю как пресловутые доносы Булгарина. Характер философствования в этих записках современные исследователи определяют как социальное конструирование или политическое философствование. Не являясь оригинальным мыслителем, Булгарин попытался соединить европейские либеральные ценности с идеями и задачами русского консерватизма, создав цельную и последовательную систему взглядов. Деятельность Булгарина в качестве негласного консультанта III отделения, несомненно, являлась одной из важнейших составляющих его стратегий успеха, но она была скрыта и для культурной элиты (до конца 1829 года), и для широкой публики.

Публичным органом осуществления литературных практик для Булгарина по-прежнему являлись редактируемые им печатные издания, в особенности «Северная пчела», ставшая наиболее перспективным совместным предприятием Булгарина и Греча и мощным фактором формирования литературных репутаций ее издателей. Сохранить газету и упрочить свое положение становится главным делом Булгарина и Греча после катастрофы 1825 года. Газета успела приобрести популярность уже в первый (1825) год своего издания, выходя три раза в неделю в формате печатного полулиста. Она воплотила основные принципы журнальных изданий Булгарина и Греча: была адресована русскому читателю, который скорее *стремился быть* европейцем, чем ощущал свою принадлежность к европейской культуре. Эту травматичную для русского самосознания ситуацию «Северная пчела» старалась безболезненно разрешить и гармонизировать, настойчиво и неустанно вписывая летопись повседневных событий в европейский контекст¹⁵. Газета Булгарина и Греча была адресована максимально широкой аудитории, поэтому ее материалы носили адаптированный характер. Литературная часть газеты старалась совместить хоро-

ший вкус и легкость, изящество, что далеко не всегда удавалось. Тем не менее, вопреки распространенному мнению, художественный уровень литературной части газеты в 1825 году был довольно высок. «Северная пчела» с самого начала заявила о себе как издание большой полемической активности. Ее главным оппонентом и, что наиболее существенно, главным конкурентом был «Московский телеграф», выходивший, как и газета Бул-гарина, с 1825 года, поэтому полемика с обеих сторон представляла собой борьбу конкурирующих изданий, главной целью была борьба за читателя, сопровождавшаяся стремлением дискредитировать противника как менее профессиональную сторону.

Трагические события конца 1825 года — смерть Александра I и последствия декабрьского восстания — резко поменяли сам тон публикуемых материалов, придав им более официальное звучание и заставив редакторов заново осмыслить концепции изданий, усилив их верноподданнический характер. На смену законам конкуренции пришли поиски новых траекторий движения, критическая полемика уступила место разработке целостных концепций, которые могли бы стать основой редакторских стратегий. Первый номер обновленной «Северной пчелы»¹⁶ в 1826 году открывался новогодним редакторским письмом с молитвой о даровании небесной благодати Российскому самодержцу, а его подданным — «ревностного желания и способов споспешествовать Его благим делам и намерениям». Опубликованное в этом номере обращение нового царя перекликалось с редакторским письмом и помещенным ниже стихотворением Ф. Глинки «Чувство русского при наступлении 1826 года» с прославлением милосердия императора Николая, создавая картину социального мира и гармонии между верховной властью и обществом. Отныне такая идейная установка станет основополагающей для периодических изданий Булгарина и Греча.

Это была стратегия, позволяющая их газетно-журнальному предприятию не

просто выжить в новых социально-политических условиях, но, активно сотрудничая с властными структурами и заручившись их поддержкой, включиться в борьбу за власть. В основе этой стратегии лежал комплекс идей, составивший, по словам В. Э. Вацура, целую программу «официального демократизма»¹⁷, которой отныне будет следовать Булгарин в «Северной пчеле» и в своем творчестве. Восходя к европейским культурным и политическим ценностям, в сочетании с реалиями русского монархизма эта программа была призвана решить российские социально-политические проблемы. Было бы неверным трактовать ее как плод идейных исканий одного Булгарина (при всей вторичности его как идеолога), без всякого сомнения, свой вклад в выработку общей идейной концепции издательской практики внес Греч, и, как представляется, Булгарин испытал значительное воздействие идей Грибоедова, с которым он особенно сблизился в это время. Спустя годы, объясняя и оправдывая поступок русских либералов, вышедших на Сенатскую площадь, осторожный Греч, разразившись публицистическим пассажем, называл те же социальные и нравственные пороки, которые сделал объектом своей критики Булгарин и как консультант III отделения, и как литератор¹⁸. В основе такой критики российского социального и нравственного неблагополучия лежит апелляция к опыту европейской культуры. Именно осознание гибельности для России сохранения традиционного типа культуры стало, по мнению Греча и Булгарина, источником русского либерализма.

Частичная дискредитация «европейских» идей в результате восстания не отменила самой проблемы, эти же причины заставили власть и общество искать пути разрешения конфликта во второй половине 20-х годов, ими же были вызваны записки, представленные властям не только Булгариным и Гречем, но и представителями культурной элиты, в том числе Пушкиным и Вяземским. Главное звено программы действий, предложен-

ной Булгариным в его первой записке к властям «О цензуре в России и о книгопечатании вообще», — положение о значительной роли печатного слова в современном обществе, о необходимости контроля над информационными потоками, что дает возможность управления общественным мнением (которое, по Булгарину, является неизбежным социальным феноменом). При таком понимании культурного поля журналист выступает посредником между властью и обществом. Именно через наиболее преданных и способных журналистов власть формирует общественное мнение в необходимом для нее направлении, что обеспечивает социальную стабильность и позволяет безболезненно проводить постепенные и разумные реформы. На данном этапе власть признавалась наиболее авторитетным инициатором прогрессивных перемен, направленных на европеизацию страны. Важным следствием такой концепции было повышение общественного статуса литератора-журналиста, превращение его в фигуру «государственной» значимости, что позволяло трансформировать культурный капитал в социальный и экономический.

Успех и конкурентоспособность «Северной пчелы», как представляется, определялись не только монополией на политические известия, но и целостной и прагматичной концепцией издания, с четкими представлениями о взаимоотношениях журналиста, власти и публики: принципиальных разногласий по этим вопросам у ее издателей не было. Издание Булгарина и Греча успешно выстраивало отношения с читателем, используя все реально работавшие литературные институты и способы контакта с аудиторией. «Пчела» имела узнаваемую эмблему, ее символический образ, в отличие от общего характера газеты, имел отнюдь не официозную семантику, обладая потенциалом интимизации, «домашнивания» образа газеты. Ласковое обращение героев русской художественной литературы с «Пчелкой» не риторическая фигура, а точно подмеченная деталь ис-

торического быта, отразившая психологическую доминанту рецепции газеты массовой аудиторией¹⁹. Растиражированные перепиской с читателями и перепалкой с оппонентами, фельетонами и эпиграммами персонифицированные фигуры издателей-редакторов газеты (в особенности Булгарина) также способствовали популярности издания. Их имена всегда были на слуху, а суть критических баталий в прессе не всегда была важна, а порой и не всегда понятна широкому читателю. В подаче материала Булгарин делал ставку на рациональное начало — убеждение, доказательства с многочисленными ссылками на авторитетные источники (другой вопрос, какова была система этих доказательств и стал ли бы читатель проверять представленные им ссылки), — а также на доверительную манеру общения и «гласность» как стремление говорить о максимально возможном круге явлений, но в адаптированной форме²⁰. Найденные приемы общения с читательской аудиторией очень быстро принесли свои плоды, сделав Булгарина одним из самых популярных русских журналистов.

Не меньшее значение имело использование символических образов — таких, например, как знаменитая «Матушка Россия» (Булгарин называл этот образ «магическим жезлом, которым можно управлять по произволу нижним состоянием»²¹). Такой образ нес в себе мощный мировоззренческий потенциал, заполняя идеологические пустоты. Его эффективность заключалась в том, что он был эмоционально окрашен и не имел отвлеченного или официозного характера, как впоследствии уваровская триада. Избранная концепция имела «терапевтический» эффект для болезненной проблемы национальной идентичности, так как материал подавался в «упаковке», адаптирующей идеологию к массовому сознанию, с опорой на его стереотипы и разработанную Булгариным систему социальной стратификации российской публики, предполагающую четкую адресованность печатной информации²². Бул-

гарин хорошо знал особенности массовой психологии, используя и обыгрывая их в своих нравоописательных очерках, поэтому они казались удачными не только малоискушенному читателю (к которому он относился с не меньшим уважением, чем к любому другому), но и И. И. Дмитриеву и М. Ф. Орлову. Он уверенно творил в «Северной пчеле» миф о единении монарха, народа и отдельной человеческой личности в модернизирующемся государстве: через хронику событий, описание нравов настойчиво проводил мысль о наступающих благотворных переменах, в которых может участвовать каждый. В своих газетных материалах он создавал образы врагов нового — это нравственные пороки и наиболее подверженные им социальные слои: аристократы, не желающие перемен, и корыстолюбивые консервативные чиновники. Булгаринские творения, как любые явления массовой культуры, представляли собой элементы «системы символической адаптации к происходящим переменам»²³. Для этого пригодились и маски повествователей, например, старого русского служаки Архипа Фаддеевича (alter ego самого Булгарина и в то же время литературной маски авторитетного героя-резонера, наделенного своей биографией: он приятель Булгарина, старый служака, холостяк, человек прямодушный и здравомыслящий), и образ самого журналиста Булгарина, столь же здравомыслящего человека, просвещенного литератора и патриота, чьи старания увенчаны общественным признанием. Подтверждением этой позиции послужило опубликованное на первой странице «Северной пчелы» сообщение об императорском признании: переименовании бывшего капитана французской службы Фаддея Булгарина в 8-й класс и зачислении его на службу в Министерство народного просвещения, «обращая внимание на похвальные литературные труды»²⁴. Наряду со служением общей пользе и общественному благу такая позиция утверждала самооценку личности, приоритет таких ценностей, как лич-

ная инициатива, ориентированность на карьеру и материальные блага. Конфликт личного и общего в демонстративно утверждаемой Булгариным философии жизни утрачивал драматизм, так как служение государству, общему благу и личное преуспеяние оказывались в этике Булгарина легко совместимы.

Однако утверждаемые Булгариным ценности вступали в противоречие с определенными ментальными началами русского общества. По мнению А. Алтуняна, если идеи общего блага и общего мнения были адаптированы общественным сознанием в России и взяты на вооружение сторонниками различных идеологических группировок, то «идея личного мнения, его ценности, которая была естественна для Булгарина, не стала в России значимой идейной реальностью»²⁵.

Наиболее резкое неприятие утверждаемые Булгариным ценности встретили у русской аристократии с ее высокими представлениями о личной сословной чести, вытесняемой у Булгарина понятием личной честности. Политическая и нравственная философия Булгарина — во многом результат его личного опыта: приспособления инородца и иноверца к условиям общественного бытия в Российской империи. Он неизбежно должен был апеллировать к ценностям частной личности, а через них выходить к идее общего блага и государственности, постоянно отстаивая государственные гарантии свободы и блага отдельной личности. Утверждаемые идеи близки были ценностям среднего сословия, идеологом которого довольно часто представляют Булгарина.

Если согласиться с тем, что периодическое издание как социокультурный феномен изоморфно современному обществу, то в журнальной практике второй половины 1820-х годов за выстраиваемыми типами взаимоотношений журнала/газеты и публики угадываются различные социальные модели, на которые ориентированы, в конечном счете, эти издания. Во многом этим объясняются неудачи Вяземского и Пушкина в кури-

ровании московских журналов и попытке создать журнальные предприятия в Петербурге. Стремясь отойти от издательских концепций альманаха, испытывая потребность в журнале как органе, объединяющем литературные силы единомышленников и манифестирующем их общие взгляды, они, тем не менее, ориентировались на ценности социальной и культурной элиты, малочисленность которой без поддержки официальной власти не могла обеспечить коммерческую устойчивость журнала. Напротив, общность журнальных стратегий, ориентированных на максимально широкую аудиторию, и социальных моделей, к которым явно тяготели издания Булгарина, Греча и Полевого, позволяли им быть более устойчивыми в конкурентной борьбе. Однако без активной поддержки властью ни одно из периодических изданий не могло быть спокойным за свою стабильность: жестокий прессинг цензуры периода «чугунного устава», недовольство влиятельных сановников или самого царя отдельными публикациями могли поставить журнал на грань закрытия. Поэтому в рассматриваемый период при усилении контроля властных структур над культурными элитами конкурентная борьба сменилась активной борьбой за власть.

В этом отношении издания Булгарина и Греча, безусловно, были в выигрышном положении: Булгарин активно использовал свой статус эксперта III отделения²⁶, его ценили как человека полезного «своими обширными связями и образцовым усердием к ... делу»²⁷, и уже в скором времени он смог достичь значительных результатов. В ноябре 1826 года ему удалось добиться замены цензора «Северной пчелы»: вместо А. И. Красовского (одного из авторов «чугунного устава») им стал К. С. Сербинович. Через М. Я. Фокка и А. Х. Бенкендорфа он вел систематическую борьбу за смягчение цензурного устава²⁸. Поддержка III отделения сказалась и на ослаблении полемики «Северной пчелы» с конкурирующими изданиями, так как Булгарин через обладающих властью покровителей получил

возможность влиять на динамику литературного поля, препятствуя появлению новых конкурентоспособных изданий. В результате усилий Булгарина Полевой из опасного конкурента с 1828 года превратился в союзника его и Греча, упрочив позиции их изданий, а наиболее опасный противник Булгарина Вяземский перестал сотрудничать с «Телеграфом». Союз с «Московским телеграфом» служил весомым подтверждением верности избранной тактики.

Однако, несмотря на поддержку III отделения, Булгарин не мог быть уверенным в стабильности своего положения как литератора и, в первую очередь, в неувязимости своей репутации. Тревожным симптомом послужил наделавший много шума случай, когда весной 1827 года он был забаллотирован в Английском клубе «как шпион органов надзора», и, хотя имела место спланированная интрига, П. П. Свиньин видел в происшедшем «доказательство общего мнения». Для упрочения литературной репутации необходимо было заручиться поддержкой не только властей, но и культурной элиты.

Осенью 1827 года Булгарин сближается с петербургским кругом Дельвига, тогда же состоялось его личное знакомство с Пушкиным. В течение трех лет, с 1827 по 1829 год, Булгарин — постоянный автор альманаха Дельвига «Северные цветы», где помещает свои исторические повести. Он был последователен в осуществлении своей стратегии, меняя тактику по необходимости: на этом этапе его литературную позицию отличало исключительное отношение к Пушкину и его месту в отечественной литературе, уважительное — к Баратынскому, Дельвигу и Жуковскому, стремление не конфликтовать с этим кругом, несмотря на постоянные нападки близкого к ним «Славянина».

Шаткое равновесие, достигнутое между литературными аристократами и Булгариным, было нарушено осенью 1829 года после объявления Полевым подписки на «Историю русского народа»

и статьи Булгарина, посвященной этому событию. В ней, отдав должное роли Карамзина в истории русской культуры, он вновь, как и несколько лет назад, подверг критике его исторический труд, отметив его несоответствие современному европейскому уровню историографии, и поддержал Н. Полевого²⁹. Таким образом, фигура Карамзина сыграла роль своеобразного катализатора в процессе поляризации литературно-идеологических группировок, журнальные стратегии которых имели противоположную ориентацию. Одна основывалась на сословно-иерархической идеологии, предполагающей культурную модель, в основе которой лежит интеллектуальная практика просвещенных культурных элит. Другой тип журнальных стратегий явно тяготел к буржуазно-демократическим ценностям, учитывающим культурную инициативу публики, представленной преимущественно «средним состоянием» (что не тождественно в концепции Булгарина третьему сословию), при условии, что эта инициатива управляема правительством при посредничестве новых формирующихся культурных элит — преданных журналистов и литераторов. Попытка совместить эти стратегии в журнальной практике сначала «Московского телеграфа», а затем «Московского вестника» потерпели крах.

Журнальная практика Булгарина как редактора «Северной пчелы», рассмотренная в контексте литературной ситуации 1825–1829 годов, доказывает неизбежность лавирования любого издателя периодического издания между наличными литературными силами, необходимость учитывать авторитетные институты, регулирующие выпуск литературной продукции и выполняющие функцию экспертов ее качества: в рассматриваемый период это — власти, культурные элиты и литературный рынок. Как бы ни декларировали редакторы почти всех периодических изданий первой трети XIX века свою ориентацию на публику (или ее наиболее просвещенную часть), как бы ни стремились отстоять в доступных

формах свободу слова, «право на частное суждение», стабильность их предприятий зависела не от опоры на эти лишь зарождающиеся демократические институты, но от гибкости тактики, от умения использовать все механизмы, чтобы быть поддержанными реальными литературными институтами и властью.

Теоретически обоснованный в довольно стройной идеологической программе и ставший основой житейской философии прагматизм, а отчасти и цинизм Булгарина обусловил необычайную гибкость его тактики, умение приспосабливаться в любой сложной ситуации³⁰, что принесло успех в осуществлении его авторских стратегий. Для закрепления успеха необходимо было его подтверждение на уровне всех авторитетных для литературного поля инстанций, что к 1830-м годам становится для Булгарина почти невозможно из-за принципиальных разногласий с «литературными аристократами», наносивших непоправимый удар по его литературной репутации. То, что Булгарина поддерживало III отделение, тоже вносило определенную долю риска, так как включало его в качестве активного консультанта этого ведомства в политическую борьбу весомых политических группировок за влияние на Николая I, и в этой борьбе за власть покровители Булгарина имели влиятельных противников. Таким образом, сотрудничество Булгарина с властью и одним из двух основных литературных институтов находилось в зоне риска: любой частный конфликт мог послужить поводом для краха его литературной карьеры, оставляя единственным верным источником дохода только приобретенное в 1828 года имение Карлово близ Дерпта³¹.

В подобных условиях с его стороны естественной была активизация литературных практик, ориентированных на литературный рынок, стремление утвердиться на нем в качестве *писателя*, вне зависимости от статуса журналиста, находящегося под жестким контролем властей. В современном литературоведении такие практики оцениваются чаще всего

как «массовые», однако Булгарин оставил пример довольно точной литературной самоидентификации: в письме к Н. Полевому в 1828 году он писал: «Вы не можете определить: кто я таков в литературе? беллетрист и только»³². Булгарин использует французский термин для наиболее точного определения своего места в литературе и той литературной практики, продукция которой не претендует на глубокое познание жизни и классический уровень художественности, довольствуясь легким и приятным «скорописанием». Он отстаивает перед Полевым «легитимность» беллетристики, только появляющейся в России.

Повышенный интерес к личности Булгарина, в том числе и критического характера, объяснялся и тем, что к этому времени он был уже не просто известным русским журналистом, но стремительно превращался в популярного русского писателя, завоевывая все более широкую аудиторию. Достигнутая благодаря преимущественно «Северной пчеле» популярность Булгарина как журналиста способствовала закреплению за ним репутации легкого, ироничного писателя, хорошо владеющего литературным языком. Укоренившееся представление о том, что популярность Булгарина основывалась на потакании вкусам публики, заведомом понижении планки (тем более что сам Булгарин любил подчеркивать свое уважение к публике и свою зависимость от публики, у которой он состоял, по его собственным словам, «оруженосцем и конюшенным»), также требует корректировки. На наш взгляд, правильнее говорить о креативном начале булгаринской литературной практики, тяготеющей к социальному экспериментированию, поскольку его писательские стратегии предполагали не только адаптацию к вкусам широкого читателя, но и активное воздействие на эти вкусы и запросы, т. е. участие в самом процессе формирования русской публики. Отсюда многообразие, многожанровость и многоадресность его литературной деятельности, совмещение различных авторских

амплуа — от ученого-«архивиста» до остроумного сатирика-юмориста, создателя жанра фельетона в русской литературе.

В период, когда социальный и культурный статус писателя был еще слабо определен, Булгарин стремился утвердиться во всех сложившихся и возникающих литературных институтах, совместить различные писательские практики, опираясь на усвоенные им в юности европейские просветительские модели и тяготея к рыночной модели литературы, в которой ценность литературной продукции определяется читательским спросом. Элементы выстраиваемой им литературной биографии ориентированы на авторитетные для него разнородные инстанции: властные структуры, культурную элиту и широкую публику. В зависимости от адресованности он использует авторские роли (польский просвещенный литератор, отставной военный, русский журналист, европейски ориентированный и исповедующий «здравую философию», популярный русский писатель), осуществляя своеобразный социально-культурный эксперимент в собственной литературной биографии. Прижизненный успех и последовавший позднее крах этого эксперимента во многом определяется тем, что Булгарин попытался реализовать западноевропейскую модель авторских стратегий на российской почве.

Авторские стратегии Булгарина-беллетриста, автора популярных нраво-описательных очерков и первых русских романов, грамотно организовавшего их продвижение на литературный рынок, нуждаются в специальном исследовании в аспекте обозначенной проблематики, в особенности в связи с тем, что именно они стали причиной феноменального успеха Булгарина у публики и причиной разрыва с пушкинским кругом и литературной элитой. Последствия этого противостояния были катастрофичны для литературной репутации Булгарина, определив формирование булгаринского культурного мифа в русской литературе.

Круг этих проблем не укладывается в рамки настоящей статьи, задачей которой было обозначить проблему и ознакомить с некоторыми результатами ее исследования на примере журнальных практик Булгарина.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эту цель преследуют появившиеся в последние годы работы, см.: *Вацуро В. Э.* Русская повесть XIX века. Л., 1973. С. 217–222; *Mejszutowicz Z.* Powieść obyczajowa Tadeusza Bułharyna // *Prace Komisji Słowianoznawstwa / PAN oddz. w Krakowie.* № 39. Wrocław, 1978; *Мецзяков В. П.* А. С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие. Л., 1983. С. 152–185; *Рейтблат А. И.* Видок Фиглярин (история одной литературной репутации) // *Вопросы литературы.* 1990. № 3; *Рейтблат А. И.* Ф. В. Булгарин и его читатели // *Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении. М., 2001. С. 98–107; *Салупере М.* Неизвестный Фаддей // *Радуга.* Таллинн. 1991. № 4. С. 30–41; *Акимова Н. Н.* Булгарин и Гоголь: литературная биография и литературная репутация // *Русская литература.* 1996. № 3. С. 3–18; *Акимова Н. Н.* Ф. В. Булгарин: философия здравогомыслящего человека // *Литература и философия.* СПб., 2000. С. 33–38; *Алтунян А. Г.* «Политические мнения» Фаддея Булгарина. Идеино-стилистический анализ записок Ф. В. Булгарина к Николаю I. М., 1998 и др.

² Понятие культурных полей, в т. ч. литературного, разработано П. Бурдьё и, актуализируя естественнонаучные коннотации, наиболее удачно, на наш взгляд, дает представление о литературе как динамическом многонаправленном явлении (поле), в которое в виде частицы включена отдельная писательская личность.

³ Анализ литературной ситуации данного периода, характеризующейся «живым синкретизмом в культуре» см.: *Литература и общество в эпоху Пушкина.* СПб., 1996.

⁴ Содержательный анализ этих категорий и становления литературоцентризма в русской культуре см.: *Берг М.* Литературократия: Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М., 2000. С. 23–24, 180–203.

⁵ См. об этом: *Лотман Ю. М.* Литературная биография в историко-литературном контексте (к типологическому соотношению текста и личности) // *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 373–374.

⁶ См. об этом: *Акимова Н. Н.* Булгарин и Гоголь: Литературная биография и литературная репутация. С. 3. Б. Дубин обращает внимание на двусоставность биографии, характерную для современной культуры. С одной стороны, это схема упорядоченности собственного опыта, в данном случае биография выступает как самосознание (самоорганизация), с другой — она воспроизводится иным действующим лицом в акте «внешнего» понимания, интерпретации, указывая на ролевую структуру этого акта, структуру свернутых в нем отсылок и адресаций, исследователь отмечает зазор между двумя сторонами биографии, способный породить внутренние напряжения // *Дубин Б. В.* Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М., 2001. С. 100.

⁷ См.: *Розанов И. Н.* Литературные репутации. М., 1990.

⁸ *Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении. М., 2001. С. 51–52. Здесь же содержится анализ источников и предпосылок формирования литературной репутации.

⁹ См.: *Хюбнер К.* Истина мифа. М., 1996. С. 236; *Пивогов В. М.* Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск, 1991. С. 27, 100.

¹⁰ *Лобырев А. А.* Социально-психологический анализ мифа. М., 1997. С. 26.

¹¹ О деятельности Булгарина во главе «Северного архива» см.: *Акимова Н. Н.* «Северный архив» и его издатель // *Русская литература.* 2001. № 3. С. 96–107.

¹² Подробнее об этом см.: *Акимова Н. Н.* Ф. В. Булгарин: философия здравогомыслящего человека. С. 33–38.

¹³ А. Виала называет эту стратегию «стратегией удачи», она «более рискованная, но в то же время и более завоевательная, и менее зависимая от властодержателей: она ориентирована на быстрый выигрыш в деньгах и славе», см.: *Виала А.* Рождение писателя: Социология литературы классического века // *Новое литературное обозрение.* 1997. № 25. С. 21.

¹⁴ См.: Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтבלата. М., 1998.

¹⁵ К чему отсылала и весьма прозрачная символика названия газеты: пчела служила символом неутомимого трудолюбия во имя общего блага, «разумного труда, основанного на знании», — такова ее символика у масонов и на печати Союза Благоденствия, где изображен улей, окруженный пчелами, см.: *Масонство в его прошлом и настоящем.* Т. 2. М., 1915. С. 98; *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 293. Точно такая же эмблема украшала и «Север-

ную пчелу» в 1825 г. Булгарин включился своей газетой в уже существующую традицию: ему были хорошо известны польские периодические издания «Краковская пчелка» и «Польская пчела», русскую публику знакомил с польской литературой журнал В. Г. Анастасевича «Улей» (1811–1812), в начале XIX века при Санкт-Петербургской гимназии предполагалось издание журнала «Северная пчела» (См.: *Колупанов Н. П.* Биография А. И. Кошелева Т. 1. Кн. 2. М., 1889. С. 290).

¹⁶ Газета поменяла эмблему: теперь, во избежание нежелательных коннотаций, ее украшало изображение пчелы, обрамленной скрещенными ветвями дуба и лавра.

¹⁷ *Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 80.

¹⁸ *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М., 1990. С. 252–253.

¹⁹ Материалы, воссоздающие по архивным источникам живую картину читательского поведения «среднего» потребителя печатной продукции, представлены в работах Т. Н. Головиной. Так, «Северную пчелу» провинциальный помещик А. И. Чихачев ласково называл «Пчелкой» и «Жучкой». Поклонником этой газеты он оставался на протяжении двух десятилетий, отзываясь о ней: «"Северная пчела"! Это такая моя любимица, с которой я редко разлучаюсь»; «По-моему, самая лучшая газета есть "Северная пчела"», цит. по: *Головина Т.* Голос из публики (Читатель-современник о Пушкине и Булгарине) // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 13. См. также примеры, приведенные А. И. Рейтблатом // Как Пушкин вышел в гении. С. 99–100.

²⁰ Булгарин убеждал власти: «Нашу публику можно совершенно покорить, увлечь, привязать к трону одною тенью свободы в мнениях насчет некоторых мер и проектов правительства...»; «Правосудие, умеренная гласность в делах, свобода в тиснении, кроме политики и веры, — вот три краеугольных камня, на которых возвысится Россия и вознесет своего Государя на верх славы» // Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 46, 132.

²¹ Там же. С. 47.

²² Там же. С. 45–49.

²³ *Дубин Б. В.* Указ. соч. С. 161.

²⁴ Северная пчела. 1826. № 142. 27 ноября.

²⁵ *Алтунян А. Г.* Указ. соч. С. 106.

²⁶ В. Э. Вацуро справедливо полагал, что правительству Николая I нужны были эксперты, а не осведомители (их было достаточно), см.: *Вацуро В. Э.* «Видок Фиглярин»: Заметки на полях «Писем и записок» // Новый мир. 1999. №7. С. 194.

²⁷ См. об этом записку М. Я. Фока А. Х. Бенкедорфу // Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 117.

²⁸ Новый, более либеральный «Устав о цензуре» был принят 22 апреля 1828 г.

²⁹ Северная пчела. 1829. № 129–130. 26. 29 октября.

³⁰ Ф. Ф. Вигель отметил в качестве главной черты, обусловившей авторитет и независимость Булгарина в литературных кругах, его умение лавировать «при беспрестанно возрастающем числе и смешении новых идей философических, политических, религиозных», когда «трудно идти мимо их прямым путем» // *Вигель Ф. Ф.* Воспоминания. М., 1865. Т. 3. Ч. 6. С. 29.

³¹ А. И. Рейтблат видит в приобретении Булгариним Карлово «важную и продуманную акцию, дающую основание для суждений о его экономических, социально-политических и культурных взглядах и ориентациях», показывающую степень развития русской литературы и журналистики как социальных институтов, не являющихся в этот период достаточно надежным источником дохода. См.: *Рейтблат А. И.* Булгарин и Дерт // Тыняновский сборник. Вып. 10. М., 1998. С. 442.

³² Русская старина. 1871. Т. IV. С. 678.

N. Akimova

AUTHOR'S STRATEGY OF F. BOOLGARIN IN LITERARY CONTEXT OF THE FIRST THIRD OF XIX CENTURY

Until recent times the literary activities of F. V. Boolgarin, a popular Russian writer of the 19-th century, who had a negative reputation in the history of Russian literature, was studied only superficially. The aim of this work is to research into Boolgarin's authorship strategies in the literary context of the first third of the 19-th century — a very dynamic period in the history of Russian literature, when the status of writers had been changing and their literary reputation and social prestige had become an original «symbolic capital» functioning in the sphere of culture. The objective of this research is first and foremost the journalistic practices of Boolgarin.